

**В. А. Черешнев³,
В. Н. Расторгуев⁴**

КАК СБЕРЕЧЬ БУДУЩЕЕ И ЧТО ОТЛИЧАЕТ УТОПИЮ ОТ СТРАТЕГИИ?

Не утопия ли это — сохранить жизнь на планете? Я так не считаю. Верю, что общественное мнение способно эффективно воздействовать на правительства в нужном направлении. <...> Человек в ответе не только за собственное выживание. Ведь вопрос стоит о спасении всего многообразия жизни, которая и есть высшая ценность. Но единственное живое существо на земном шаре, наделенное даром слова, — Человек. Он, обладающий речью и сознанием, — единственная надежда всей жизни на Земле.

Д. С. Лихачев. Воспитать в себе гражданина мира

Трудно сберечь наследие прошлого, но еще труднее сберечь будущее, которое мы можем потерять из-за огромных рисков, с которыми связано превращение техногенной цивилизации в моноцивилизацию. В результате этой незаметной эволюции из нашего бытия

исключается сама возможность сохранения культурного и языкового разнообразия мира, а также выносятся приговор биологическому разнообразию планеты. Постановка этой проблемы воспринимается многими людьми, в том числе и учеными, всего лишь как алармистский прием для получения инвестиций в исследования. В лучшем случае сама постановка такого вопроса рассматривается как заведомо пессимистический, но маловероятный прогноз, который допускается чисто теоретически «для полноты картины», хотя в действительности масштабы надвигающейся катастрофы не вызывают сомнений, а дефицит времени, необходимого для выработки коллективной стратегии, способной минимизировать риски, с каждым годом становится все острее.

Почему это происходит? Одной из главных причин является вполне объяснимая ограниченность позиции

³ Главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 36 монографий, 14 книг: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; двух руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», журнала «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

⁴ Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 29 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания» (в соавт.), «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования» (в соавт.), «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам» (в соавт.),

исследователей, не выходящих, как правило, за узкодисциплинарные рамки, не говоря уже о барьерах между гуманитарной и естественно-научной областями знания. Их преодоление по силам очень немногим представителям научного сообщества с поистине энциклопедическим кругозором и безоговорочным авторитетом в мировой науке, свидетельствующим о том, что за их энциклопедизмом стоит качественно новое знание, а не простая эрудиция. Дилетантизм опасен не потому, что люди, страдающие им, распространяют ложные знания, а потому, что он девальвирует и те очевидные истины, которые зачастую вплетены в недостоверные обоснования и потому воспринимаются как лжеучения.

К счастью, иногда и среди гуманитариев, и среди естествоиспытателей встречаются мыслители такого масштаба, который позволяет им быть подлинными учителями и пророками даже в своем отечестве. Назову только два имени всемирно известных российских ученых, которые полностью соответствуют роли пророков от науки. Это Дмитрий Сергеевич Лихачев, который вывел свои исследования на уровень понимания экологии культуры, и Никита Николаевич Моисеев с его всемирно известным обоснованием гипотезы о «ядерной зиме». Этих ученых сближает и то обстоятельство, что их видение проблемы оказало заметное позитивное влияние на общую политическую культуру и на вектор поиска приемлемых стратегий международного сотрудничества. С их уходом все ощущают, что степень риска существенно возрастает, когда явно не достает столь же весомых авторитетов в научном мире, способных повлиять и на массовое сознание, и на выбор политического курса.

Д. С. Лихачев, говоря о будущем цивилизации, прямо указывал на его главного «убийцу», в роли которого выступает, как это ни парадоксально, популярная и плодovitая идея прогресса в ее примитивном (а потому и самом популярном) толковании: «Идея прогресса сопутствует истории человечества в ее обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как жертву, приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего»¹.

Н. Н. Моисеев пришел к аналогичному выводу, хотя вся его научная работа основывалась на совершенно иной картине (картинах) мира. В его подходе явно доминировало проектное мышление и, следовательно, идея технического и технологического прогресса. Но новая идея в его сознании почти всегда вырастала до масштабов стратегии, зачастую глобальной, с харак-

терными для синтеза стратегий междисциплинарными проникновениями и философскими обобщениями. Он не боялся больших горизонтов, когда идея приобретала поистине космические масштабы. Поэтому, наверное, ему была близка теория ноосферы, согласно которой человечество вступает в эпоху всемогущества разума, обретающего способность самому создавать предпосылки, необходимые для обеспечения коэволюции природы и общества, без чего невозможно не только поступательное развитие, но и сохранение жизни.

Идея ноосферы по-разному преломлялась в трудах многих мыслителей — богословов, естествоиспытателей, гуманитариев. Многие современные авторы, изучающие наследие Лихачева, относят его взгляды к разряду модификаций ноосферного учения, хотя это не совсем так, поскольку нет и никогда не было единой доктрины, а существуют различные, хотя и родственные, концепции. Вместе с тем сам Лихачев, как известно, связывал свою теорию концептосферы с теорией В. И. Вернадского, а термин «концептосфера» был им введен по аналогии с такими концептами, как ноосфера и биосфера. Всемирно известным концепт ноосферы стал благодаря откровенно утопическому и, как подчеркивал Моисеев, сугубо иллюзорному учению Тейяра де Шардена о слиянии наций в единое целое, что автор этой концепции считал предзнаменованием «слияния человечества с Природой и Богом», а значит, и утверждением ноосферы как финала эволюции и истории.

Совершенно иным содержанием этот же термин наполнил В. И. Вернадский, который еще в начале прошлого века, в 1904 году, с трибуны Московского университета говорил о том, что человек превратился в основную геологообразующую силу планеты. А несколько позднее он утверждал, что человеку придется взять всю полноту ответственности за судьбы не только общества, но и всей биосферы.

Моисеев, который специально останавливался на данной тематике, рассматривал эти и другие учения о ноосфере как великие утопии, во многом разнонаправленные и конкурирующие («финалистские», «алармистские» и «мотивационные»), в которых тем не менее содержится зерно истины — признание прав и ответственности Коллективного интеллекта. Для Моисеева сама идея ноосферы была в высшей степени продуктивной, поскольку содержала в себе высший императив, который должно принять человечество только по одной причине — в силу его безальтернативности, в целях самосохранения перед лицом неизбежной катастрофы.

Для прояснения своей позиции он ввел в научный оборот понятие *экологического императива* как основного гаранта возможности развития без глобальной катастрофы, вероятность которой должна быть сведена к минимуму. Основная трудность современности, по его мнению, в том и заключается, что признание экологического императива в научном и, что не менее важно, в политическом сообществе — это всего лишь маленький шаг к тому, чтобы императив стал действительно абсолютным императивом — безусловным руководством к действию. А для этого по-

«Философия политики. Методология политического планирования», «Умная политика и культура прогнозирования», «Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века» (в соавт.) и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, председатель Научного совета Экспертного центра Всемирного русского народного собора, заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение» (в честь 60-летия образования ООН). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 347.

требуется создание новых, по сути, организационных структур в мировом масштабе.

Надо ли говорить, как далека эта идея от воплощения в наше время? По этой причине она и нами воспринимается как абсолютная утопия. Но все дело в том, что у этой утопии нет альтернатив. Вопрос заключается, по словам Моисеева, лишь в том, произойдет ли переворот в организации общества стихийно, «когда переход будет связан с уничтожением значительнейшей части человечества (а может быть, и его полной гибелью) или с реализацией некоей оптимальной СТРАТЕГИИ перехода, разработанной Коллективным интеллектом»¹. Под Коллективным интеллектом Моисеев понимал общие знания и владение технологией передачи, накопления и использования информации — всю информационную систему, включая технологию принятия решений, которая может возникать только на основе общего понимания цели. По его мнению, «становление Коллективного интеллекта — это такой же естественный процесс, как и развитие мозга и индивидуального интеллекта»².

Развивая мысль Никиты Николаевича, можно сказать, что первым шагом на пути превращения утопии в стратегию может служить концепция устойчивого развития. Такая мировоззренческая установка предопределила широту научных интересов академика Моисеева. Его наследие до сих пор в равной степени интересно и математикам, и экологам, и представителям технических наук, и философам. Остановимся только на одной грани его научного наследия — на его понимании всемирно распространенной концепции устойчивого развития, которую одни воспринимают как чистую утопию, а другие — как единственно верную стратегию. Но для того, чтобы подойти к этой проблеме, потребуется более четко объяснить отношение Моисеева к утопиям и стратегиям, точнее, к тому, что по традиции мы относим *либо к утопиям, либо к стратегиям*. Обычно мы не находим связи между этими категориями из совершенно разных на первый взгляд миров — иллюзорного и реального. Но когда речь заходит о проектной мысли и научном обеспечении действительно больших и социально значимых междисциплинарных проектов, все кардинально меняется. Здесь, кстати, мы также видим схожесть его позиций с позицией Лихачева (см. эпиграф).

Во-первых, именно смелые идеи, которые воспринимаются даже в научном сообществе как чистые утопии, особенно они если посягают на базовые парадигмы и традиционное видение, оказываются наиболее продуктивными при выборе стратегий.

Во-вторых, никому не дано знать, какой из масштабных проектов, претендующих на то, чтобы изменить мир, является утопией, а какой несет в себе реальную стратегию. Слишком велико число факторов, субъективных и объективных, из которых в конечном счете складывается успех или поражение.

В-третьих, даже вполне успешно реализованный проект не является доказательством того, что он не утопичен. К примеру, потребовалось столетие для того,

чтобы великий и явно небезуспешный проект строительства общества без эксплуатации и эксплуататоров, да еще и в отдельно взятой стране, который состоялся наперекор всему и позволил в кратчайшие сроки возродить государство из руин и переломить хребет нацистской утопии, признали... не менее опасной утопией, чем фашизм. Кстати, сведение нацистского режима к утопии — не самая умная и дальновидная политика уже по той причине, что «коричневая чума», унесшая миллионы жизней, была остановлена только благодаря жертвенному подвигу нашего народа, идеалы которого мы теперь называем без сомнения утопичными... И не следует игнорировать тот факт, что эта идеологическая чума может возродиться на новом витке истории, поскольку нет гарантии, что грядущие поколения сохранят иммунитет к этой заразе. Причем только опасный утопизм в этом более чем успешном социальном эксперименте первыми увидели именно те, кто еще недавно доказывал, что у коммунистического глобального проекта нет и не может быть альтернатив...

В-четвертых, весьма полезным для понимания логики превращения утопии в реальность может быть осуществление такого геополитического проекта, каким был, по сути, проект Евросоюза. Его «генеральный конструктор» граф Р. Куденхове-Калерги, который начал этот проект в 1920-х годах, когда все считали его абсолютной утопией, уже тогда сформулировал принцип превращения утопии в стратегию. Он вполне обоснованно считал, что на идею пан-Европы неизбежно обрушатся упреки в утопичности, хотя создание пан-Европы не противоречит, по его словам, ни одному из законов природы. Напротив, «Пан-Европа отвечает интересам преобладающего большинства европейцев, а ущерб наносится интересам незначительного меньшинства. Это небольшое, но очень сильное меньшинство, которое сегодня вершит судьбы Европы, захочет приклеить идею пан-Европы ярлык утопии. На это можно возразить, что каждое великое историческое событие начиналось как утопия, а заканчивалось как реальность».

В качестве примера Куденхове-Калерги приводит тот факт, что власть коммунистов в России казалась всем утопией — вплоть до того момента, когда их победа стала реальностью. На этом основании он делает вывод об обратной зависимости между способностью к фантазии у политиков и их способностью к планированию. Чем более ограничен мир фантазии, тем шире кажется мир утопии и уже границы возможного: «У мировой истории больше фантазии, чем у ее марионеток, — продолжает Куденхове-Калерги, — она представляет собой цепь чередующихся неожиданных событий и осуществленных утопий. Останется ли идея утопией или станет реальностью — зависит, как правило, от количества ее приверженцев и их энергии. Пока в идею пан-Европы верят тысячи людей — это утопия, как только в нее поверят миллионы — она станет политической программой, и только когда в нее поверят сто миллионов — она станет реальностью»³.

³ Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетаре, 2006. С. 13.

¹ Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М.: МНЭПУ, 1997.

² Там же. С. 136.

Но вернемся к теории Моисеева и его не менее парадоксальному, но во многом более взвешенному видению этой проблемы, учитывающему тот факт, что и успешно осуществленный проект может оставаться утопией. На множестве примеров он показал, как утопия превращается в стратегию, а стратегия — в утопию. И этот процесс нельзя читать однонаправленным. По его мнению, «любая активность человека, особенно в интеллектуальной сфере, всегда начинается с утопий». Эту закономерность проектного мышления он относил прежде всего к себе. В книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» он говорит о своих проектах как об утопиях, но особого рода, выделяя среди всех типов утопий «конструктивные утопии», опирающиеся не на логику теоретика, а на логику Природы.

По мысли Моисеева, его собственная теория — такая же утопия, но относящаяся к разряду *конструктивных утопий*. Принципиальное отличие его теории состоит в том, что при ее описании он не пытался говорить о том, как должен быть устроен будущий мир, а лишь о том, *чего нельзя делать и без чего нельзя обойтись*. «При этом она будет опираться на систему эмпирических обобщений или логических следствий всей той схемы мирового эволюционного процесса, фрагменты которого и составляют историю человечества»¹.

Моисеев считал, что любые схемы построения общества будущего и далекие прогнозы всегда будут несостоятельны и в этом смысле утопичны, поскольку сама жизнь распорядится, как должен быть устроен мир в следующих столетиях. «И все же, — подчеркивал он, — такие утопии людям необходимы — это своеобразный катализатор для человеческой мысли и активности. По мере роста могущества цивилизации и роли разума в судьбах человечества необходимость прогностических схем, все более и более использующих данные науки, будет расти — они способны предвидеть опасности»².

А теперь вернемся к вопросу о том, как Моисеев относился к концепции и соответственно к стратегии устойчивого развития. В одной из работ, посвященных этой теме, он писал: «Я не стремлюсь искать замену термину “sustainable development” или предлагать другой перевод, который заменил бы явно неудачное “устойчивое развитие”. Об этой банальной трактовке следует просто забыть. Но считаю совершенно необходимым придать термину иной смысл: устойчивое развитие — это реализация стратегии человека. Человечество в целом и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения. Это путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И чем научнее выверена стратегия, тем безболезненнее кризисы»³.

В этом рассуждении недостает, по нашему мнению, только одного звена. Сегодня отсутствует даже рабочая классификация многообразных феноменов совершенно разного генезиса из научной, политической и медийной сфер жизни, которые подводятся под мод-

¹ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998. С. 90.

² Моисеев Н. Н. Избранные труды: в 2 т. М.: Тайдекс К°, 2003. Т. 2. С. 143.

³ Там же.

ное понятие «концепция устойчивого развития». Нам действительно мешает такое размытое понимание термина, ведущее, по сути, к его обесценению, детерминализации. Причина сводится к одной методологической ошибке, которая заключается в преувеличенном значении той роли, которое приписывается научному сообществу, в формировании концепции устойчивого развития. В действительности эта концепция принимается на совершенно иных принципах, чем научные теории. Их принимают не ученые, а политики на основании соответствующих процедур. На отдельных этапах действительно привлекается экспертное сообщество, в котором наряду с экспертами «первого уровня» — специалистами, дающими заключения, например, о правовом соответствии разрабатываемых документов нормам действующего национального законодательства и международного права, о возможности их ресурсного и финансового обеспечения и тому подобном, участвуют и представители науки, общественности, деятели культуры.

Но в важнейших этапах принятия решения они, за редким исключением, не участвуют. А политики, как известно, руководствуются иными соображениями, продиктованными национальными, корпоративными, лоббистскими и другими интересами, не имеющими никакого отношения к науке, чувству партийной или групповой солидарности и, наконец, укреплением собственной «устойчивости» в системе. Ради согласования разнонаправленных интересов участникам процесса иногда приходится жертвовать даже логикой и системой теоретических обоснований. Этот факт, собственно, и вызывает возмущение в рядах ученых, которые отчетливо видят дефекты в обосновании и логике, а потому норовят «исправить концепцию», предлагая свои варианты и искренне удивляясь, что их не слышат.

Эта парадоксальная ситуация привела Моисеева к радикальному выводу, что «концепция устойчивого развития — одно из опаснейших заблуждений современности, особенно в том виде, как она интерпретируется политиками и экономистами». Причина чрезвычайного риска заключается в примитивизме политической и экономической интерпретации, в уповании на технократические способы решения глобальных проблем. В действительности человечеству еще придется пройти долгий и тернистый путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба. Но «к этому обществу должно быть готово, и мы не имеем права заменять реальность упрощенными и опасными иллюзиями. Этот путь будет совсем не похож на устойчивое развитие»⁴.

Не собираясь пересказывать историю становления этой концепции на политической ниве и ее предшественниц в области политики и науки (а это длинная история), напомним только основные вехи ее развития. Среди организаторов политических дискуссий на международных площадках выделялся Всемирный союз охраны природы, предложивший в 1980 году совместно с другими международными организациями Всемирную стратегию охраны (консервации) приро-

⁴ Моисеев Н. Н. Избранные труды. Т. 2. С. 83.

ды, где и был выделен этот концепт. Поэтому неудивительно, что рассматривались *три основных измерения мирового развития: экологическое, экономическое и социальное*, причем во главу угла ставилась экологическая проблематика.

Через эту призму рассматривались все основные глобальные проблемы, которые были и остаются содержанием политического дискурса. Среди них — ограничение роста населения и бедности, поддержание качества жизни и защита глобальных экосистем, а также сбережение стратегических природных ресурсов и минимизация последствий загрязнения окружающей среды, которые приобретают угрожающий масштаб на фоне глобализации и экономического роста. Значительной вехой в развитии политической концепции устойчивого развития и усиления «экономической доминанты» стал Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», в котором понятие устойчивости употреблялось уже как синоним «устойчивого экономического роста», поскольку именно он позволит решить проблемы бедности и загрязнения окружающей среды.

Как видим, концепция устойчивого развития с самого начала приобрела отчетливо выраженный характер поиска компромисса между ведущими странами мира. Это привело к тому, что едва ли не каждая из них обзавелась собственной стратегией и программой устойчивого развития. Соответственно на второй план отошел вопрос о том, можно ли какую-либо научную теорию выделить как основу стратегии устойчивого развития.

Сделаем промежуточные выводы.

Во-первых, в основе концепции устойчивого развития, если, конечно, рассматривать ее схематично, заложен *принцип равенства трех измерений* — экономического, социального и экологического. В этом случае мы имеем дело не с очередной глобальной утопией, а всего лишь с технологией управления глобальными рисками, которая может быть более или менее эффективной, а также с довольно развитой системой рейтинговой оценки достижений различных стран с позиций устойчивого развития.

Во-вторых, если ценность научной теории и исследовательской программы предопределена прежде всего ее эвристическим и эпистемологическим потенциалом, то у политической концепции, доктрины и стратегии совершенно иное назначение. Все определяется ее способностью или неспособностью оптимизировать достижение политических целей и регламентировать поведение акторов политики во всех ветвях и на всех этапах власти. При этом архитектура политики достаточно сложна, так что на каждом уровне власти концепция устойчивого развития по-разному функционирует и осмысливается.

Наметившийся в последнее время поворот российской политики в сторону экологии, произошедший во многом под влиянием крупнейших ученых, и следование экологическому императиву в политике для многих оказались неожиданными. Но именно о таком повороте свидетельствует возвращение к Экологической доктрине Российской Федерации. Не останавливаясь

подробно на истории создания Доктрины и на пути, который прошел проект с момента зарождения идеи до стадии официального принятия документа Правительством РФ, отметим только важный для нашего доклада аспект: в основе Экологической доктрины лежит концепция устойчивого развития, закрепленная в соответствующих международных соглашениях и хартиях. Если открыть Доктрину, то уже в преамбуле можно прочитать об этом.

Проект Экологической доктрины России получил одобрение на заседании Правительства РФ 27 августа 2002 года, то есть за несколько дней до начала Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (сентябрь 2002 г.). Таким образом успешно завершился, по сути, первый в отечественной истории опыт национального стратегического планирования, основная стадия которого прошла не в кабинетах чиновников и не в изоляции от общественного мнения, а в научных коллективах и неправительственных организациях, с привлечением к дискуссии всех граждан, равнодушных к будущему родной земли. Это обстоятельство представляется особенно важным, поскольку государственная экологическая доктрина — не что иное, как своеобразная лоция долгосрочного отраслевого планирования для органов власти всех уровней.

Для реализации Экологической доктрины требуется углубленная работа над региональными стратегиями, и в первую очередь над Северной стратегией России, поскольку две трети страны составляют северные территории. Для этой цели был организован Северный социально-экологический конгресс, который проводился уже 11-й раз, во многих северных городах России и в Норвегии. Наиболее значимыми были 5-й конгресс в Сыктывкаре, в рамках которого впервые в России состоялось подведение итогов Международного полярного года, и 11-й конгресс в Москве, на котором были обобщены десятилетние итоги нашей работы и намечены новые планы¹. Постепенно сложилась многотомная библиотека изданий конгресса.

Организаторы Северного социально-экологического конгресса согласуют свою работу с Научным советом РАН по изучению и охране природного и культурного наследия, созданного академиком Е. П. Челышевым совместно с группой выдающихся ученых, в числе которых особая роль принадлежала Д. С. Лихачеву². В рамках этого совета инициирована и осуществляется чрезвычайно перспективная программа «Цивилизационный путь России», где во главу угла поставлено междисциплинарное исследование культурно-природного синтеза, положенного в основу развития локальных цивилизаций. Особое место занимает принцип единства культурных и природных факторов в процессе становления мировых цивилизаций (культурно-исторических типов). Этот принцип важен не только для понимания специфики цивилизационного пути России как страны-цивилизации, ее всемирного значения и отношений

¹ Предварительные итоги работы Северного социально-экологического конгресса см.: Северология: проблемное поле, методология и социально-экономические основы долгосрочного планирования. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2016.

² Сопредседатели совета — академики Е. П. Челышев и В. А. Черешнев.

с другими цивилизационными мирами, но и для исследования цивилизационной уникальности северных территорий России и других приарктических стран.

Примечательно, что и здесь мы соприкасаемся с наследием Лихачева и Моисеева, рассматривавшего принцип экологического императива и концепцию устойчивого развития в рамках цивилизационного подхода. Под цивилизацией он понимал «некоторую общность людей, характеризуемую определенным набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров и т. д.». Вместе с тем он тонко чувствовал различия между концептуальными схемами, на основании которых мы отличаем моноцивилизационные теории, базирующиеся на унификации мирового процесса, от теорий, описывающих локальные цивилизации. По словам Моисеева, «любому эволюционному процессу, в том числе и развитию цивилизации, сопутствует и рост разнообразия форм организации жизни, в том числе и “цивилизационных раз-

нообразий” — цивилизация никогда не была и не будет единой, несмотря на объединяющую человечество технологическую общность»¹.

В этом отношении особый интерес представляет его критика теории С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, где делается вывод о роли границ цивилизационных разломов в современной истории. Однако аргументация Хантингтона не представляется Моисееву достаточно убедительной, поскольку причины неизбежного столкновения цивилизаций кроются гораздо глубже, чем это представляется автору: «Одной из важнейших причин современных цивилизационных противостояний являются процессы модернизации и создание и распространение некоторых общепланетарных стандартов, отвечающих потребностям возникающей технологической основы цивилизации. Но постепенно эти противостояния перейдут в сферу экологии»².

Как видим, наследие Н. Н. Моисеева столь же многогранно, как и проблемы, которые он ставил.

¹ Моисеев Н. Н. Избранные труды. Т. 2. С. 92.

² Там же. С. 90.